

На правах рукописи

ВОРОНОВА Екатерина Андреевна

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТЦАХ И ОТЦОВСТВЕ
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ. 1950–1960-е гг.**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2022

Работа выполнена в Центре социальной истории России Института российской истории Российской академии наук.

Научный руководитель: **Зубкова Елена Юрьевна**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социальной истории России ИРИ РАН

Официальные оппоненты: **Пушкарева Наталья Львовна**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Пивоваров Никита Юрьевич
кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского Государственного архива новейшей истории

Ведущая организация: Пермский государственный национальный исследовательский университет

Защита состоится « __ » _____ 2022 г. на заседании Диссертационного совета 24.1.112.02, созданного на базе ФГБУН Институт российской истории РАН по адресу: 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, ауд. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института российской истории РАН и на сайте ИРИ РАН [http: //iriran.ru](http://iriran.ru)

Автореферат разослан « __ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук

В.С. Батченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Семья – один из самых древних и существующих до сих пор институтов общества. Это своеобразное тестовое поле, позволяющее исследовать особенности гендерного порядка и социальной политики, повседневные практики, культурные традиции и политические эксперименты в сфере частной жизни. Наряду с развитием идей о социальном и историческом конструировании гендерных норм в отношении женщин и материнства, актуальной проблемой является формирование репрезентации мужской идентичности, частью которой является отцовство.

Отцовство в контексте развития «советского проекта» – тема особая, позволяющая открыть новые перспективы в изучении советского социума, распределения гендерных ролей, конфигурации отношений между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, соответствия советских реалий мировым трендам. Советский гендерный порядок отражал сложную и во многом противоречивую систему социальных отношений, политических и социальных институтов, мировоззренческих и культурных ценностей. Официально построенный на провозглашенных большевиками принципах равенства, на самом деле он представлял собой иерархию распределения гендерных ролей, закрепляя за мужчинами и женщинами разные сферы ответственности и представительства.

В советской модели семьи делался акцент на экономическом долге мужчины перед ребенком, что в глазах современников нередко формировало представления об отцовстве как тяжком, но обязательном бремени. «Отчужденное отцовство» заключалось в его депривации: отцы не могли присутствовать при родах, навещать в роддоме жену и новорожденного, лишь мать имела право брать отпуск по уходу за ребенком. В дальнейшем отцы воспринимались как «второстепенные» родители: они или вовсе исключались из воспитательной рутины и повседневной заботы о детях, или участвовали в ней ситуативно.

Представления о том, каким должен быть «советский отец», менялись с течением времени. Если в 1930-е годы в общественном сознании превалировал образ отца как мужчины – «защитни-

ка», мужчины – «строителя», то в 1970-е годы социологи уже говорили о ностальгии по «истинной мужественности» и «кризисе маскулинности» в советском обществе. Семейная политика и пропаганда отцовства «по-советски» не привела к осознанию мужского родительства как самостоятельной ценности и эмоциональной потребности для взрослых мужчин. Современное мужское родительство в России отчасти унаследовало неразрешенные проблемы советской семейной сферы, и, несмотря на права, которые получили отцы (возможность присутствовать при родах, отпуск по уходу, совместная опека ребенка после развода и т.д.), традиция отчуждения отцовства сохраняется. Экономические обязательства и моральный долг перед обществом до сих пор являются доминирующими атрибутами отцовства даже на уровне языка (так, государственное пособие на детей, потерявших одного из родителей, называется «по потере кормильца»). Для понимания современных проблем и особенностей мужского родительства опыт его переосмысления в 1950–1960-е гг. имеет особое значение: этот период был одним из ключевых в процессе трансформации законодательной нормы и общественных представлений об отцовстве, его месте в жизни мужчины, семьи и общества. Тогда на волне «оттепели» одновременно с критикой прежних норм и практик осуществления мужчинами своих родительских функций была подготовлена почва для нормативных и социальных изменений в семейной сфере, которые нашли свое окончательное оформление в республиканских семейно-брачных кодексах, в том числе в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г.

Проблемы, связанные с отцовством, необходимо рассматривать в контексте демографических перемен, главные из которых были обусловлены последствиями Второй мировой войны. Огромные военные потери привели к существенному сокращению численности мужского населения страны, снижению рождаемости и культивированию «безотцовщины». Государственная политика, направленная на восполнение демографических лагун, обернулась дискриминацией по отношению к детям, рожденным вне брака, и их матерям, одновременно «освободив» мужчин, не обремененных узами брака, от исполнения родительских обязанностей. В послевоенном СССР «демографическое эхо» войны и диспропорция полов начали постепенно сглаживаться к середине

1950-х годов, но этот процесс коснулся лишь возрастных групп до 30 лет¹.

После войны в Советском Союзе, как и в других странах, намечается тенденция к демократизации частной жизни и продолжается модернизация семьи, однако развитие этих процессов носило противоречивый характер и не было свободно от влияния консервативных представлений, которые призывали восстановить и закрепить довоенные гендерные и семейные нормы². Под влиянием этих тенденций мужское родительство во второй половине XX в. во всем мире претерпевает существенные изменения. Другими факторами, определившим облик советской семьи и отцовства в 1950–1960-е годы стала урбанизация, сокращение размера семьи и ее нуклеаризация³.

Смерть Сталина как «отца народов» – символическая веха, обозначившая не только начало вытеснения из сознания современников главного патерналистского образа–символа, но и повлекшая за собой вслед за политическими переменами корректировку роли отцовства. Новое руководство страны в качестве отправной точки своей деятельности провозгласило курс на восстановление «социалистической законности», в рамках которого началась работа по модернизации действовавшего законодательства – административного, уголовного, семейного. Этот процесс выводится на публичный уровень, становится предметом общественного обсуждения – еще одно новшество «оттепели».

Недовольство действующим в 1950–1960-х гг. брачно–семейным законодательством породило многочисленные «низовые» инициативы, направленные на устранение его недостатков. Профессиональные педагоги, ученые, врачи, юристы, публицисты и другие эксперты доказывали важность отцовского присутствия и влияния на детей⁴. Этот процесс нашел отражение в законода-

¹ Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3 т. М., 2000–. Т. 1: 1900–1939 гг. М., 2000. С. 206–216.

² *Nakachi M.* Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // *East European Politics and Societies*. 2006. № 1. Vol. 20. P. 45–46.

³ Население России в XX веке... С. 206–216.

⁴ *Randall A.* Soviet and Russian Masculinities: Rethinking Soviet Fatherhood after Stalin and Renewing Virility in the Russian Nation under Putin // *The Journal of Modern History*. 2020. № 92. P. 861.

тельной норме и реальных семейных практиках. Однако прежде всего он заявил о себе на уровне дискурса – общественного и нормативного, взаимосвязь которых отражает важность и противоречивость социальных процессов периода «оттепели», а также позволяет исследователям понять особенности мировоззрения людей той эпохи, их систему ценностей и ментальные установки.

Степень научной разработанности темы исследования

Феномен советского отцовства попадал в сферу интереса историков при обращении к более общим или специальным темам – таким как гендерная история России и СССР, история семьи и брака СССР, история детства. В историографии можно выделить исследования, посвященные родительству и детству в рамках реализации семейной политики советского государства. В работах историков Н.Л. Пушкаревой⁵, Н.Б. Лебиной⁶, Н.А. Мицок⁷ анализируются различные стороны семейных отношений и родительских практик, установленных положениями указа 1944 г. В исследованиях Н.А. Араловец⁸ в центре внимания находится городская советская семья, сельской семье посвящены работы Л.Н. Денисовой⁹, О.М. Вербицкой¹⁰, Л. Олсон и С. Адоньевой¹¹. Проблема «безотцовщины» и попытки государственного регулирования положения детей, оставшихся без родителей, рассматривалась в кон-

⁵ *Пушкарева Н.Л.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // *НЛО*. 2012. № 5. С. 8–23; *Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицок Н.А.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М., 2021; *Казьмина О.Е.* *Пушкарева Н.Л.* Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы: модели для сборки. Сборник статей: Кн.1. /Сост. и ред. С.М. Ушакин. М., 2004. С. 185–219.

⁶ *Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2015; *Лебина Н.Б.* Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М., 2017.

⁷ *Мицок Н.А.* Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях // *Вестник Тверского государственного университета*. 2015. №. 2. С. 124–134.

⁸ *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М. 2003; *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009.

⁹ *Денисова Л. Н.* Судьба русской крестьянки в XX веке : брак, семья, быт. М., 2007.

¹⁰ *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992.

¹¹ *Олсон Л., Адоньева С.* Миры русской деревенской женщины: традиция, трансгрессия, компромисс. М., 2016.

тексте истории советского детства М.Р. Зезиной¹², Т.М. Смирновой¹³, М.В. Ромашовой¹⁴, К. Келли¹⁵. Теме «оттепели» как важного этапа в процессе публичного обсуждения социально значимых проблем в СССР (в том числе, брачно-семейной сферы) уделялось большое внимание в исследованиях Е.Ю. Зубковой, Б. Ла Пьера, Д. Рейли¹⁶.

В историографии советского мужского родительства можно выделить три основные тенденции: 1) относительно подробное изучение «смежных» с отцовством тем, таких как советская маскулинность и советская семья; 2) применение различных междисциплинарных методик в исследованиях (социологических, культурологических, методов устной истории); 3) движение от общих проблем советской гендерной истории в 1990–2000-е гг. к изучению в 2010-х гг. отдельных сегментов семейной политики, «женской», «детской» истории, родительских практик и т.д.

Отцовство стало объектом внимания со стороны гендерных исследователей во второй половине 1970-х гг., как реакция на критику традиционных представлений о семье и родительских ролях¹⁷. Этот процесс совпал по времени со становлением изучения маскулинности как отдельной дисциплины, фундаментальной работой стала книга Р.В. Коннелл «Маскулинности»¹⁸, в которой автор, опираясь на концепции П. Бурдьё, Э. Гидденса и А. Грамши, выстраивает теорию социально-структурного пола, в котором мышление и действия субъекта детерминируются влиянием его личного опыта и социаль-

¹² Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136.

¹³ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М., 2015.

¹⁴ Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. 2013. № 2. С. 108–116.

¹⁵ Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. London, 2007.

¹⁶ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; La Pierre B. Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance During the Thaw. Madison, 2013; Рейли Д. Советские бэйби-бумеры: послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране / [пер. с англ. Т. Эйдельман]. М., 2015.

¹⁷ Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29–41.

¹⁸ Connell R.W. Masculinities. London, 1995.

ных структур. Согласно концепции Коннелл, гегемонная маскулинность не монолитна, она конструируется, отталкиваясь от существующих моделей и стратегий женского и мужского поведения. Таким образом возникают множественные модели маскулинностей, которые воспроизводятся в обществе и поддерживаются институционально.

Исследование Р.В. Коннелл стало методологическим фундаментом для последующих работ, посвященных теме «мужского», включая исследования советской маскулинности. В конце 1990-х годов и начале 2000-х годов наблюдается растущий интерес к советской гендерной проблематике, истории советской семьи и советского родительства, который находит свое воплощение в тематических конференциях, по итогам которых выходят сборники статей, объединенных общей методологией¹⁹. Не претендуя на статус фундаментальных исследований, эти сборники строились на принципе междисциплинарности и представляли собой набор интересных кейсов, отражающих советскую и постсоветскую гендерную тематику на базе различных типов источников.

Первым из их числа стал сборник статей 2000 г. «Гендер, государство и общество в советской и постсоветской России»²⁰ под редакцией С. Эшвин, в центре которого было изучение влияния советского государства на гендерный порядок. Сборник включал в себя три статьи, посвященные проблеме маскулинности. С. Кухтерин в статье «Отцы и патриархи в коммунистической и посткоммунистической России»²¹ проводит сравнение нормативного дискурса советского отцовства и реальных родительских практик.

В 2002 г. вышли два ключевых сборника по российским и советским маскулинностям: один – под редакцией Б. Клементс²²,

¹⁹ Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / Ed. by S. Ashwin. London, 2000; Gal S., Kligman G. The Politics of Gender after Socialism: A Comparative-Historical Essay. Princeton: NJ., 2000; Gender in Russian history and culture / Ed. by L. Edmondson. New York, 2001; Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture. De Kalb, 2006.

²⁰ Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / Ed. by S. Ashwin. London, 2000.

²¹ Kukhterin S. Fathers and Patriarchs in Communist and Post-Communist Russia // Gender, State, and Society... P. 71–89.

²² Russian masculinities in history and culture / Ed. by B. E. Clements. New York, 2002.

построенный по хронологическому принципу, и тематический сборник С. Ушакина²³, носящий междисциплинарный характер. Клементс рассматривала российские и советские маскулинности, их эволюцию и преемственность в контексте основных исторических тенденций развития европейских моделей маскулинности. Целью сборника являлся сравнительный анализ и экстраполяция западных историографических тенденций на российско–советскую «почву». Советская маскулинность рассматривалась в трех статьях сборника, однако отцовству как форме мужского родительства уделяется не так много внимания исследователей.

Сборник под реакцией С. Ушакина был разделен на шесть секций, в каждой из которых рассматривается один из аспектов российских и советских «мужественностей»: телесный, военный, профессиональный, национальный, исторический и современный. Коллектив авторов стремился переосмыслить содержание концепции «мужского» и рассмотреть различные конфигурации маскулинности – как существовавшие, так и существующие, в рамках методологии Р.В. Коннелл (плюралистическая мужественность, относительная мужественность и показательная мужественность). В предисловии Ушакин отмечал, что сборник не претендует на изображение полноценной картины российских маскулинностей, но лишь задает определенный контекст восприятия по «осколочному принципу», то есть рассматривая кейсы, связанные с разными аспектами российской и советской маскулинности²⁴.

С середины 2000–х гг. тема отцовства как важной части бытия мужчины развивается в работах И.С. Кона «Мужчины в меняющемся обществе»²⁵, «Мальчик – отец мужчины»²⁶, «Гендер и маскулинность, сыновья и отцы»²⁷. Эти труды, на сегодняшний день ставшие классикой отечественной гендерологии, посвящены проблемам становления личности мужчины и его социализации с раннего детства,

²³ «О муже(N)ственности»: Сб. статей / под ред. С. Ушакина. М., 2002.

²⁴ Там же. С. 32

²⁵ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009.

²⁶ Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М., 2009.

²⁷ Кон И.С. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 48–64.

взрослению, а также вопросам гендерной педагогики. Кон рассматривал российское отцовство на трех дискурсивных уровнях: как общественный институт, как различные группы мужчин–родителей, а также как межличностные отношения отцов и детей. Исследованиями отцовства в контексте изучения российской гендерной проблематики занимались Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина²⁸, Ж.В. Чернова²⁹. В своих работах, затрагивающих как современность, так и советский период, авторы рассматривают социологические модели отцовства, их бытование и трансформацию. Так, Здравомыслова, Темкина и Чернова, используя методологическую концепцию Коннелл, демографические и социологические данные, фиксируют кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе, который отразился и на отцовских практиках, и на образе отцовства. Советские отцы дискурсивно характеризовались ими как «добытчики», которые в воспитании детей играют роль «привратников», то есть отчужденного родителя, который ситуативно заботится о ребенке лишь с санкции матери.

В дальнейшем изучение советского отцовства развивалось в рамках двух направлений: изображение советской маскулинности в художественной, в том числе визуальной, культуре³⁰ и история частной жизни советского мужчины в послевоенный

²⁸ *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // *О муже(Н)ственности*. М., 2002. С. 432–451; *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб., 2015; *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Советский этакрагический гендерный порядок // *Российский гендерный порядок* / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2007. С. 96–137; *Темкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // *Социологические исследования*. 2002. № 11. С. 4–15.

²⁹ *Чернова Ж.В.* Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // *Российский гендерный порядок*. СПб., 2007. С. 138–68; *Чернова Ж.В.* Отцовство и модели семейной политики // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2011. № 4 (24). С. 81–86; *Чернова Ж.В.* Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. 15. № 1. С. 103–122.

³⁰ *Kaganovsky L.* How the Soviet Man was Unmade: Cultural Fantasy and Male Subjectivity Under Stalin. Pittsburgh, 2008; *Dumančić M.* Men Out of Focus: The Soviet Masculinity Crisis in the Long Sixties. Toronto, 2021; *McCallum C.E.* The Fate of the New Man: Representing and Reconstructing Masculinity in Soviet Visual Culture, 1945–1965. Cornell University Press, 2018.

период и годы «оттепели»³¹. Первое направление, не претендуя на освещение существовавших мужских практик (поведенческих, сексуальных, родительских), на материалах кино, изобразительного искусства и литературы подтверждает существовавший кризис маскулинности в сознании современников. Представители второго направления, привлекая нормативные источники и источники личного происхождения, избегают формулы «кризис маскулинности» из-за ее «семантического коллапса»³² и стремятся показать многообразие существовавших форм жизни советских мужчин как в семье, так и вне ее. Более того, ранее неоднократно высказывавшаяся идея о том, что советское отцовство оставалось неизменно отчужденным – как в 1930–х, 1940–х, так и в 1950-х и 1960-х годах – подвергается серьезному пересмотру³³. Последние исследования Э. Фрейзер, М. Думанчича и Э. Рэндалл показывают, что советская маскулинность (как и советское отцовство) 1950–1960-х гг. радикально изменилась по сравнению со «сталинской маскулинностью»³⁴ и предполагает совсем другие модели мужественности, что, соответственно, требует отдельного изучения. И хотя в названии книги Думанчича присутствует понятие «кризис», сам автор отмечает, что речь идет скорее о трансформации моделей мужественности в общественном сознании 1950–1960-х годов которая повлияла на становление «депрессивной» маскулинности 1970–1980 годов³⁵.

³¹ *Field D.* Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia. New York, 2007; *Cohn E.* Sex and the Married Communist: Marital Infidelity, Family Troubles, and Communist Party Discipline in the Post-War USSR, 1945–1964 // *Russian Review*. 2009. № 3. P. 429–450. *Bucher G.* Stalinist Families: Motherhood, Fatherhood, and Building the New Soviet Person // *The Making of Russian History: Society, Culture, and the Politics of Modern Russia* / Eds. J. Steinberg, R. Wade. Bloomington, IN. 2009. P. 129–152; *Звоначева А.Е.* Образ отца в позднесоветской журнальной периодике (вторая половина 50-х – 80-е годы XX века) // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 1. С. 65–73; *Fraser E.L.* Military Masculinity and Postwar Recovery in the Soviet Union. Toronto, 2019; *Randall A.* Soviet and Russian Masculinities: Rethinking Soviet Fatherhood after Stalin and Renewing Virility in the Russian Nation under Putin // *The Journal of Modern History*. 2020. № 92. P. 859–898.

³² *Fraser E.L.* Military Masculinity and Postwar Recovery...

³³ *Randall A.* Soviet and Russian Masculinities...

³⁴ *Bucher G.* Stalinist Families...

³⁵ *Dumančić M.* Men Out of Focus...

Таким образом, советское отцовство как социальное явление находится на пересечении смежных исследовательских тем советской истории: брачно-семейного законодательства, моделей маскулинности, гендерного порядка. В немногочисленных исследованиях, посвященным советскому отцовству, основное внимание уделяется социальным установкам и иерархиям, а также культурным моделям и образам мужчин в искусстве. Семейная же жизнь мужчины, его место и роль в семье (муж, отец, сын) – проблемы, которые в исторических исследованиях затрагиваются лишь мимоходом, несмотря на их большой потенциал для социальной истории.

Научная новизна диссертации заключается в следующем: 1) в фокусе исследования находится проблема репрезентации отцов и отцовства, которая до этого не становилась предметом специального изучения; 2) представления об отцах и отцовстве рассматриваются в разных форматах общественного сознания – от правового до обыденного; 3) проведен сравнительный анализ нормативного и общественного дискурса отцовства; 4) для решения задач исследования был привлечен значительный комплекс новых источников (архивных документов и глубинных интервью), их компаративный анализ в совокупности с опубликованными материалами позволил представить многоаспектную картину репрезентаций «советского отцовства» как своеобразной формы отражения социальных и ментальных трансформаций 1950–1960-х гг.

Объектом исследования являются нормативные и общественные представления о фигуре отца и отцовских практиках. **Предмет** исследования – отражение этих представлений в нормативном и общественном дискурсе, взаимное влияние нормативных предписаний на восприятие образа отца и моделей отцовского поведения у современников, с одной стороны, и общественного мнения на процесс нормотворчества – с другой.

Данное исследования фокусируется, таким образом, не на реконструкции *реальных* родительных практик отцов в СССР, а на их актуальной и ретроспективной *репрезентации*. Процессы формирования, трансляции и усвоения гендерных моделей, в том числе моделей отцовства, безусловно, находятся под влиянием культурной, национальной традиции. Эта традиция не

могла не отразиться на восприятии отцовства и отцовских практик представителями различных народов, жителями города и села. Вместе с тем образ «советского отца» – как он конструировался и репрезентировался в нормативном и общественном дискурсе 1950–1960-х годов – носил в большей степени «универсальный» характер, поскольку главными побудительными стимулами общественного внимания служили критика существующего семейно–брачного законодательства и необходимость создания новых норм, регулирующих поведение отцов, «универсальных» по своему назначению.

Целью исследования является реконструкция процесса формирования и трансформации представлений о роли отцов и отцовства в 1950–1960-х годах. В связи с этим, можно выделить несколько **задач**:

1. Рассмотреть эволюцию нормативных представлений об «отце» и «отцовстве» в советском действующем законодательстве и проектах 1917–1950-х гг.
2. Изучить материалы обсуждения нового Кодекса о браке и семье в 1950–1960-е гг.
3. Исследовать трансформацию представлений о «безотцовщине» 1950–1960-х гг.
4. Рассмотреть воспитательные стратегии отцов в общественном дискурсе.
5. Проанализировать нормы и девиации отцовства в восприятии современников, отношение к вопросам алиментных обязательств отцов перед детьми.
6. Рассмотреть модели отцовского поведения и жизни мужчин в семье на материале дневников современников.
7. При помощи методов «глубинного интервью» получить сведения о родительских практиках мужчин, которые в 1950–1960-е г. имели опыт отцовства.

Хронологические рамки исследования определяются двумя ключевыми позициями: началом публичного общественного обсуждения проблемы отцовства в середине 1950-х гг. и нормативным закреплением его результатов – принятием нового Кодекса о браке и семье РСФСР в 1969 г. Вместе с тем для реконструкции процесса трансформации представлений об отцах и отцовстве в сфере нормотворчества, а также для понима-

ния исторического контекста и побудительных мотивов дискуссий периода «оттепели» необходим исторический экскурс в более ранний период.

Территориальные рамки исследования ограничиваются территорией РСФСР, поскольку в фокусе внимания находится анализ представлений об отцах и отцовстве, репрезентируемых в контексте разработки нового семейно–брачного кодекса Российской Федерации.

Теоретико–методологические основы исследования строятся на синтезе междисциплинарных подходов гендерной истории, для которой гендерный статус служит одним из конструирующих элементов³⁶. При изучении распределения ролей в советской семье использовались теории создания социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана³⁷, в том числе их подход к представлениям о моделях «феминности» и «маскулинности» и процессе их социального конструирования и воспроизводства. Анализ отцовских практик осуществлялся в рамках теории социального капитала П. Бурдьё³⁸ и концепции дуальных структур Э. Гидденса³⁹. Это позволило рассматривать действия субъекта как матрицу, формирующуюся под влиянием внешних социальных структур и личного опыта.

В основу исследования были положены принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволил рассмотреть в динамике формирование и трансформацию представлений об отцовстве в после-военный период до 1970–х гг., включая нормативные и общественные изменения за три десятилетия. Принцип объективности реализуется посредством сравнительного анализа различных видов исторических источников – от нормативных до материалов периодической печати и интервью. В диссертации нашли применение также историко–генетический и историко–сравнительный методы. Историко–генетический метод позволил выделить этапы в производстве

³⁶ Scott J.W. Gender and the politics of history. New York, 1999.

³⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М., 1995.

³⁸ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 87–96.

³⁹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2003.

законотворческих инициатив в отношении отцовства. Историко–сравнительный метод был использован при сочетании методов контент–анализа текстов на микроуровне и компартиvistского анализа дискурсов на макроуровне. С целью изучения представлений об отцовстве были выделены основные языковые единицы – «отец», «отцовство» и их производные.

Методы обработки и интерпретации данных: при анализе категории отцовства в средствах массовой информации применялся метод критического дискурс–анализа Н. Фэркло⁴⁰, в которой дискурс рассматривается одновременно и как конструирующий, и как конструируемый. Помимо дискурса, с точки зрения Фэркло и его соавтора, Л. Чоулиараки⁴¹, в социальных практиках также присутствует ряд других механизмов, объясняемых логикой ситуации. Следовательно, процессы артикуляции представлений об отцовстве объясняются не только дискурсивной логикой, но и другими явлениями социальной жизни, не встраивающимися в господствующие структуры, однако, обладающими «порождающим влиянием» на события⁴².

Специальные методы сбора информации: в беседах с респондентами об их отцовском опыте был использован метод глубинного полуструктурированного интервью, разработанный П. Томпсоном, одним из основоположников и идеологов направления «устной истории»⁴³. На первом этапе интервьюирования респондентам предлагалось поделиться рассказом о своем отцовстве в хронологической последовательности, на втором этапе интервьюером задавались уточняющие вопросы, призванные упорядочить хронологию рассказа и обратить внимание информантов на ключевые моменты их отцовского опыта.

Для интерпретации данных интервью использовалась методика качественного анализа⁴⁴: проводилась категоризация высказыва-

⁴⁰ Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge, 1992.

⁴¹ Chouliaraki L., Fairclough N. *Discourse in Late Modernity – Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh, 1999.

⁴² Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс–анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков, 2008. С. 123.

⁴³ Томпсон П. *Голос прошлого. Устная история*. М., 2003.

⁴⁴ Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. *Качественные методы. Полевые социологические исследования*. СПб., 2009.

ний респондентов с выделением основных смысловых понятий («ожидание пополнения в семье», «уход за младенцем», «распределение семейных обязанностей», «участие в воспитании детей других родственников» и т.д.) Вербальные категории, использовавшиеся респондентами, были рассмотрены в рамках существующих аналитических моделей («отчужденное отцовство», «ситуативное отцовство», «вовлеченное отцовство»). В процессе анализа полученных данных свидетельства респондентов были сопоставлены друг с другом с целью фиксирования взаимосвязей, важных как для понимания индивидуального отцовского опыта информантов, так и для выявления общих тенденций реализации отцовских практик, характерных для периода 1950–1960-х гг.

Источниковая база исследования

В результате работы над диссертацией был определен комплекс источников, который можно разделить на несколько основных групп.

Нормативные документы: Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г., Указ от 8 июля 1944 г., Кодекс о браке и семье 1969 г., а также проекты брачно–семейного кодекса 1950–х годов которые находятся в фонде Комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР⁴⁵ и в фонде Управления Делами Совета министров СССР⁴⁶ (ГА РФ), и частично дублируются в фонде Политбюро Президиума ЦК КПСС⁴⁷. В фонде Юридического отдела Верховного Совета РСФСР⁴⁸ сохранились стенограммы обсуждения нового брачно–семейного законодательства, а также различные мнения, высказанные при подготовке Кодекса депутатами местных органов власти и депутатами съездов Верховного Совета. Обращение к нормативным документам позволяет установить, в какой степени законодательная норма отражалась в общественных представлениях об отцовстве – с одной стороны, и как общественные настроения влияли на процесс нормотворчества – с другой.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 267.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 90. Д. 975.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 385. Оп. 26.

Материалы периодической печати, публицистика. Наиболее репрезентативным для решения задач данного исследования являются такие издания, как «Литературная газета», журнал «Работница», газеты «Известия» и «Правда», журнал «Социалистическая законность».

Письма граждан. В фондах ГА РФ Юридической комиссии при Совете министров СССР⁴⁹, Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР⁵⁰ (1956–1965 гг.) и Совета Национальностей Верховного Совета СССР⁵¹ (1965–1968 гг.) – сохранился большой комплекс писем, объединенных тематикой обсуждения нового брачно–семейного кодекса. В РГАЛИ в фонде 634 (редакция «Литературной газеты») сохранились сводки писем и письма читателей, посвященные проблемам семейного законодательства. Письма, отложившиеся в архивных фондах, – важный источник для анализа представлений граждан СССР об отцовстве. Среди их авторов – представители различных социальных групп, возрастов, уровней образования. На позицию женщин и мужчин в отношении отцов и отцовства влияли нормативный и социальный контекст, гендерные модели поведения, а также жизненный опыт. Коллекция писем граждан из фондов Юридической комиссии при Совете министров СССР, Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР и Совета Национальностей Верховного Совета СССР представляет собой разрозненное множество писем, написанных разным адресатам и преследующих разные цели. Из общего количества писем, отложившихся в Комиссии за период 1950–1960–х гг., было просмотрено 3 тыс. Соотношение писем женщин и мужчин примерно равное, с небольшим преобладанием мужских. Однако важно учитывать, что зачастую письма были анонимными, а их авторы избегали каких–либо гендерных маркеров. Так, в фонде Комиссии законодательных предположений Совета Союза, в 1–й томе за 1959 г. всего

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45.

⁵¹ Там же. Оп. 45а.

84 письма, из них женских – 36, мужских – 45, 3 – автор не идентифицируется. Статьи, посвященные актуальным проблемам семейной сферы, воспитания детей и подростков, моральным качествам советских мужчин-отцов, а также сообщения о подготовке Кодекса о браке и семье вызывали определенный резонанс у граждан. Они активно включились в процесс обсуждения, о чем свидетельствуют письма, адресованные редакциям периодических изданий, ЦК КПСС, Совету министров СССР, Президиуму Верховного Совета СССР. Эти письма становились предметом обсуждения в комиссиях, а выдержки из них включались в доклады на сессиях Верховного Совета РСФСР и Совета Национальностей СССР. Письма граждан, которые впоследствии аккумулировались в Комиссии законодательных предположений при Верховном Совете СССР, являются источником, транслирующим представления жителей СССР об отцовстве.

Дневники и мемуары современников. Для изучения личного опыта советских граждан использованы дневники и мемуары современников на портале проекта «Прожито». Особое внимание представляют не публиковавшиеся ранее так называемые «дневники воспитания», которые вели как матери, так и отцы. Принцип дневниковой и мемуарной выборки заключается в выявлении темы отцовства в этих источниках – «мужских», «женских» и «детских» дневниках. При помощи методов компаративного анализа данные из «мужских» дневников сравнивались с оценкой отцовства в дневниках матерей, а также в «детских дневниках».

«Глубинное интервью» и материалы опроса мужчин-современников об их отцовских практиках в 1950–1960-е гг. При помощи методов глубинного полуструктурированного интервьюирования (по методике Пола Томпсона) были проведены беседы с двадцатью мужчинами, которые стали отцами в 1950–1960-е гг. Все интервью проводились лично автором, за исключением одного интервью, проведенного Татьяной Петровой. Респондентам предлагалось рассказать о своем опыте отцовства, включая распределение домашних обязанностей, методы воспитания детей, а также о родительской рутине. Особое внимание уделялось рефлексии респондентов: как они

оценивают собственное отцовство, был ли этот опыт позитивный, что значило быть отцом в 1960–1970-е годы, и в чем они видят отличие своего отцовства от отцовства современного?

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для развития перспективных направлений изучения феномена «советского» (советского общества, гендерных отношений, социальной политики), а также в практике преподавания социальной истории России, подготовке учебных курсов и программ. Материалы диссертации могут представлять интерес в качестве информационно-аналитического ресурса для подготовки актуальных прогнозов в сфере регулирования семейно-брачных отношений.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены в докладах на 12 научных конференциях: международных (ASEEES, 2020, 2021; Harvard University 2020; Санкт-Петербург 2017, 2019; Москва, 2018, 2019, 2020, 2021) и всероссийских (Москва, 2020; 2021; Нижний Новгород, 2018). Результаты работы отражены в 10 публикациях, общим объемом 6,6 а.л., в том числе объемом 3,2 а.л. в 3 изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертационного исследования. Текст диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обсуждение проблем отцов и статуса отцовства в 1950–1960-е гг. являлось отражением общих перемен в политической и общественной жизни страны этого периода. Атмосфера «оттепели» способствовала перемещению дискурса отцовства в публичную сферу, а разработка нового семейно-брачного кодекса послужила импульсом для подключения к процессу нормотворчества не только экспертов, но и представителей широких групп населения.

2. На протяжении 1950–1960-х годов в нормативной сфере происходит отказ от юридически-обусловленной концепции отцовства и переход к эклектичной «социально-биологической» модели.

3. Общественные представления об отцовстве были шире, чем нормативные, они концентрировались на проблемах не

только «юридических», но и фактических отцов детей. Под понятие «фактические отцы» попадали мужчины, которые сожительствовали с женщинами на протяжении времени, и от этого сожительства появились дети. Биологические отцы, чьи отношения с женщинами были тайными или недолгими, а также отчимы, не попадали под определение «отец».

4. Мужское родительство в 1950–1960-х гг. перестает быть только частью супружества и выделяется как отдельная область жизни мужчины. Брачное, сексуальное и прокреативное поведение мужчины начинает диверсифицироваться на нормативном, социальном и ментальном уровне.

5. Для современников отцовство было одновременно и «общим местом» и спектром социальных ролей взрослого мужчины, у которого имелись дети. Образы отцовства, циркулировавшие в законотворческой среде, на страницах периодической печати, в письмах граждан, были вариативными. В общественном сознании понятие «отцовство» существовало в разных комбинациях: мужчина с детьми в браке, разведенный мужчина с детьми от первого брака, отец детей от незарегистрированного брака и т.д. Эти модели зачастую противопоставлялись друг другу, однако общепринятой «нормы» отцовства не существовало.

6. В отличие от матерей, отцы в 1950–1960-х годах воспринимались как «второй», «дополнительный» родитель. Тем не менее, письма «снизу», дневники отцов, а также интервью с отцами тех лет свидетельствуют о стремлении установления равноправия отцовства и материнства, в том числе, в судебных разбирательствах. Однако эти запросы как со стороны мужчин, так и со стороны женщин, носили поверхностный характер. Серьезная перестройка института отцовства началась с уравнивания метрик детей (рожденных в браке и вне его), однако в отношении реформирования института родительства и детства законодательство, общество и сами родители были менее гибкими.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются его объект и предмет, хронологические рамки, анализируется степень изученности проблемы, формулируются цели и задачи исследования, дается общая характеристика источниковой базы, теоретико-методологических подходов к исследованию и приемов работы с источниками.

В первой главе **«Отцовство в советском семейно–брачном законодательстве»** хронологически рассматривается эволюция нормативных категорий «отец» и «отцовство» в советских нормативных документах а также законотворческие дискуссии 1950–1960 гг. в отношении нового семейного законодательства.

В параграфе 1.1. *«Нормативное регулирование отцовства в пост-революционный период. 1917 – 1920-е гг.»* рассматривается роль отцовства в послереволюционных законодательных актах. Послереволюционные преобразования в семейной сфере существенно повлияли и на гендерные роли в семье, и на нормативные модели материнства и отцовства. Если раньше деторождение, сексуальность и брак были нормативно закреплены за семьей, то теперь эта связь разрушилась, что изменило паттерны брачного поведения людей и отношение к детям. Советские отцы 1920-х гг. должны были нести ответственность за своих биологических детей – независимо от того, родились они в браке, вне брака или же в браке, который прекратил свое существование. Отцовство в зарегистрированном браке нормативно регламентировалось незначительно, подразумевалось, что мужчины должны обеспечивать семью и помогать женщине в быту и воспитании детей. Судебная практика того времени стремилась нормативно зафиксировать отцовство, если мужчина не смог убедительно доказать свою непричастность к рождению конкретного ребенка. Концепцию отцовства в советском семейном законодательстве можно обозначить как «биологическую», однако если до 1926 г. отцовство доказывалось через факт физиологической близости, то после 1926 г. – через социальную функцию фактической семьи (сожителство женщины и мужчины, их общий быт).

В параграфе 1.2. *«Статус отца в контексте «консервативного поворота» в государственной семейной политике. 1930-е – середина 1940-х гг.»* рассматриваются изменения в законодательстве, которые привели к частичному разрыву с экспериментами в брачной и сексуальной сфере предыдущего периода. Нормативные акты 1930–1940-х гг. были нацелены на укрепление репродуктивной функции семьи, которая рассматривалась как мобили-зационный инструмент государственного контроля над сексуальным (репродуктивным) поведением людей и средством для решения ряда экономических и социальных задач. Указ от 8 июля 1944 г. определил главные черты послевоенного брачно–семейного законодательства: закрепляется различие между фактическим (биологическим и социальным) и юридическим отцовством. В то же время фиксируется нормативный разрыв между материнством и отцовством: биологическое материнство порождает социальное материнство, однако отцовство биологическое исчезает из правоприменительной практики, остается примат отцовства юридического над другими форматами отцовства. Отцовство становится фиксированной нормативной категорией: мужчина считался отцом лишь в том случае, если до рождения детей он зарегистрировал брак с их матерью, или прошел через процедуру усыновления. Таким образом, в нормативном тексте закрепляется неравенство детей, маркером которого является наличие или отсутствие формального отцовства.

Параграф 1.3. *«Трансформация системы нормативных представлений об отцовстве в процессе разработки нового семейно–брачного кодекса. Конец 1940-х – 1960-е гг.»* анализирует категорию отцовства в проектах кодексов 1950–1960-х гг. и в Кодексе 1969 г. В проектах брачного кодекса начала 1950-х гг. делались шаги по отмене некоторых статей Указа 1944 г.: предпринимались попытки связать нормативное определение отцовства с фактическим – при условии добровольного согласия мужчины. Однако эти идеи так и остались на уровне проектов, им не был дан ход ни при жизни Сталина, ни в первые годы «оттепели». В это же время закрепляется дисбаланс родительских ролей в семье: если в послевоенном обществе мужчин было меньше, чем женщин, то доля «отцов»

среди мужчин была еще меньше. Работа над новым кодексом о браке и семье РСФСР началась в 1960–х гг. Текст кодекса сначала создавался в Юридической комиссии при Совете министров СССР, с 1963 г., по поручению ЦК КПСС. Материалы обсуждения проекта Кодекса о браке и семье в феврале–марте 1969 г. показывают, что законотворцы были практически единодушны в стремлении «вернуть отцов в семьи» и действовать «в интересах детей». Новый закон, регулирующий брачно–семейные отношения, принципиально отличался от послевоенного законодательства: если раньше допускалось существование большого количества неполных семей, состоящих только из матери и ребенка, а также поощрение массового вовлечения взрослых граждан СССР в процесс прокреации (для восстановления военных демографических потерь), то теперь государство стремится укрепить семью как важный институт социализации ребенка. Итогом многолетних дискуссий на разных уровнях – от сессий Верховного Совета до периодической печати и писем граждан стал Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. В нем нашли отражение изменения нормы, которые обсуждались и в предложениях граждан, и в кругу специалистов, занимающихся разработкой нового кодекса.

Вторая глава **«Отцовство в общественном дискурсе 1950–1960–х гг. (по материалам СМИ и письмам граждан)»** посвящена анализу общественных представлений об отцовстве, которые формировались у современников при помощи образцов, которые транслировались через публичные каналы, в первую очередь СМИ (периодическую печать), что находило отражение, в том числе в «письмах во власть».

В параграфе 2.1. *«Безотцовщина» как социальная проблема* рассматривается категория советских детей, которую современники маркировали как потенциально «неблагополучную» и «неполноценную». Отсутствие отцовского имени в метрике было частью социальной стигмы не только ребенка, но и матери, о чем письма свидетельствуют более эмоционально и прямо, чем материалы периодической печати. В публицистике середины 1950–1960-х годов дискурсе сформировались две модели отцовства: «плохой отец», который, пользуясь нормой закона, отстранился от воспитания и материальной поддержки ребен-

ка, и «добросовестный отец» – мужчина, не состоящий с матерью ребенка в зарегистрированном браке, но готовый нести родительские обязанности. В обоих случаях главными жертвами несовершенства закона объявлялись дети, фигура отца носила подчиненный характер. Юридические вопросы, которые волновали самих отцов – выплата алиментов, дискриминация при разводе – в публицистике затрагивались крайне редко. Авторы публикаций выступали с гуманистических позиций, призывая к толерантному отношению к матерям–одиночкам и к «незаконнорожденным» детям, однако неполная семья по-прежнему считалась по определению «неполноценной», потенциально неблагополучной. Тезис «в интересах детей» подразумевал, что наличие юридически зафиксированного отцовства, даже на уровне записи в метрике, необходимо и важно для каждого ребенка и его матери. Однако родительство мужчины и его отцовские обязательства сводились к формальной записи в метрике. Эта инициатива была призвана предоставить юридическую защиту детям–«безотцовщине», чтобы компенсировать их психологическую травму и материальное неблагополучие.

В параграфе 2.2. *«Отец как воспитатель: модели и стратегии поведения»* затрагиваются представления о том, каким должно быть воспитание подрастающего поколения и особой роли отца в этом процессе. Модель «Отец–воспитатель» в общественном сознании 1950–х гг., складывалась из набора достаточно разнообразных, нередко противоречивых представлений о поведенческих практиках и обязанностях «настоящего» («идеального») отца. Можно отметить рост значимости роли отца в обществе 1950–1960-х годов, причем именно «отца–воспитателя». И женщины, и мужчины говорили о необходимости отцовского воспитания, причем мужчины указывали на «моральную ответственность» как свой долг перед детьми, а также выражали желание проводить с детьми больше времени, следить за их развитием. Вместе с тем мужчины не готовы брать на себя всю полноту ответственности за воспитание детей, становиться своего рода «отцами–одиночками». Отцовское воспитание воспринимается не столько как сфера ответственности, сколько как коммуникативное пространство, где происхо-

дит передача мужского опыта, которую не могут обеспечить мать и школа. Неудивительно, что это пространство подразумевает только один вид связи – «отец–сын», тогда как девочки (дочери) исключаются из процесса «отцовского» воспитания. Отмечая необходимость присутствия отца в семье и рассматривая материнское воспитание как «неполноценное» и одностороннее, современники вкладывали в понятие «отцовство» разное и зачастую противоречивое содержание. Так, отец одновременно должен быть «сильной рукой», однако публицисты порицали физические наказания детей и критиковали за это «старорежимных» отцов. Кроме того, отец должен был быть добрым и заботливым по отношению к детям, вместе с тем, опасность «избаловать» ребенка прочно укоренилась в дискурсе.

В параграфе 2.3. *«Вопросы алиментных обязательств в письмах граждан»* рассматриваются риторика советских граждан в отношении материального обеспечения детей после развода. Мнения и предложения мужчин по «алиментному вопросу» были посвящены отстаиванию преимущественно отцовских интересов. На практике цели у мужчин и женщин были прямо противоположные: женщины хотели получить как можно больше алиментов на воспитание детей, мужчины же всячески стремились избежать этой обязанности. Все мужчины–авторы, которые затрагивают тему алиментов, рассказывают о них как о тяжком финансовом бремени. Поскольку алименты представляются мужчинам несправедливой мерой, то можно условно выделить несколько причин, на которые они ссылались для аргументации своей позиции: 1) они живут в другой семье, юридически дети от предыдущего брака находятся вне сферы их ответственности, 2) нехватка денег на содержание детей и от первого, и от второго брака, 3) это несправедливо назначенные алименты, 4) с точки зрения авторов, их «дети» уже не являются детьми, 5) алименты плохо влияют на морально–нравственное развитие детей. В 1960–е гг. можно отметить другую характерную тенденцию: все больше мужчин соглашались с тем, что материальная ответственность перед детьми существует, и необходимо найти компромисс по этому вопросу, как и по вопросу о признании отцовства и его оформления

через запись в свидетельстве о рождении. Особого внимания заслуживает тот факт, что в 1960–е гг. в письмах отцов одно из центральных мест занимает забота о ребенке, его жизни и воспитании в отрыве от отца.

В параграфе 2.4. «*Репрезентация норм и девиаций отцовства*» анализируются механизмы конструирования «позитивного» и «негативного» образа советского отца. Позитивный образ отца был довольно расплывчатым и абстрактным, его конкретизация строилась нередко по принципу «от противоположного» – «хороший отец» рассматривался как противоположность «плохому». Девиантная модель советского отцовства, «Отцы-подлецы» нарушали общественный порядок, негласные правила – отказывались принимать на себя ответственность родительства. Их «жизнь в свое удовольствие» и «свободный образ жизни» вызывали неприятие еще и потому, что, с одной стороны, это не вязалось с образом советского гражданина, который ставит общественные интересы выше личных, а с другой, они жили так, как ни женщины, ни семейные мужчины не могли себе позволить. Вместе с тем перечисленные выше черты не дают оснований утверждать, что эти мужчины были специфически девиантны, что они обладали набором характеристик, которых не было у других. В 1950–1960–е гг. общество больше волновали проблемы, связанные с уходом отцов из семей или же неконвенциональным отцовством. Такие «классические маскулинные» девиантные проявления как бытовой алкоголизм или домашнее насилие не интересовали авторов писем, а если они обращаются к этим проблемам, то исключительно в контексте опасений за детей, которые могут воспринять «дурной пример» отцов как образец.

В главе 3 «**Отцовские практики и личный опыт**» были проанализированы отцовские воспитательные стратегии и практики в рамках концепции советской субъективности, реальные опыты реализации мужчинами своей родительской миссии, принципы выстраивания отношений с детьми, женой, другими домочадцами. Особое внимание было уделено таким проблемам, как восприятие отцовства мужчинами и их самопрезентация как отцов.

В параграфе 3.1. «*Отсутствующее отцовство*» рассматриваются формы бытования отцовства вне семьи, а также восприятие этого явления самими отцами. «Отсутствующее отцовство» для современников означало жизнь отца вне дома – по причине развода или же из-за долгих отлучек по работе. Связь мужчины со своими детьми во время отъезда напрямую зависела от отношений с женой – если этот брак был счастливым, то отцы стремились поскорее вернуться в семью и прекратить разлуку. В ситуации развода интерес к детям пропадал, и мужчины даже в дневниках обходят тему собственного отцовства, они испытывают вину за то, что не могут исполнять свои родительские функции, но собственные переживания в отношении неудачного брака и нежелания жить с супругой для них оказываются в приоритете. Более того, вариант с периодическими встречами, участием в жизни ребенка и временной помощью матери в воспитании детей рассматривается довольно редко. Дети зачастую не вписывались в картину мира «отсутствующего отца»: после развода общение с ними сводилось на нет, но и находясь в формальном браке, мужчины не воспринимали роль отца как роль, отличную от роли мужа.

В параграфе 3.2. «*Ситуативное отцовство*» исследуется форма отцовства, которая подразумевала присутствие отца дома, однако его забота о ребенке исчерпывалась помощью матери в воспитании детей. Основной своей миссией такие семейные мужчины видели материальное обеспечение семьи, и эта функция играла замещающую роль и освобождала от выполнения домашних обязанностей, в том числе, и по воспитанию детей. Отцы, жившие в семьях с женой, детьми, и, как правило, с бабушкой (со стороны матери), участвовали (или не участвовали) в домашних делах и в воспитании детей в разной мере, но важно заметить, что от них и требовался минимум вклада в быт. Этот минимум, или критерии «хорошего семьянина» варьировались и были довольно размытыми, присутствие в семье подразумевало, что мужчина содержит своих детей и дает жене деньги на «хозяйство».

В параграфе 3.3. «*Индивидуальные родительские стратегии мужчин*» рассматривается «советский вариант» модели «вовлеченного отцовства» на материале дневников и интервью

отцов 1950–1960-х годов «Вовлеченное отцовство» в большинстве случаев означало не равномерное распределение нагрузки по воспитанию на мать и отца, а скорее помощь мужчин женщинам в выполнении домашних обязанностей и воспитании детей тогда, когда мужчина не соответствовал роли «добытчика» или же у него был свободный график, и он мог уделять больше времени детям. В данной семейной модели нередко присутствует фигура бабушки (как правило, матери жены), чье участие в домашнем хозяйстве и воспитании детей позволяет скорректировать нагрузку на родителей. Как правило, степень вовлеченности отцов не была обусловлена социальным курсом – в каждой семье этот вопрос решали по-своему, и некоторые мужчины были вынуждены помогать матери, которая довольно быстро возвращалась на производство, а ясли и детский сад были безусловным выбором каждой семьи. Существовал ряд практик, который считался подходящим в большей степени отцам (например, стирка и глажение детского белья), как правило эти занятия не требовали особых навыков или ответственности. Следовательно, даже если разделение родительских обязанностей существовало, то оно было большей частью прагматичным, рациональным и флюидным.

В **заключении** подведены основные итоги исследования. Представления о советском отцовстве, тесно связанные с представлениями о гендерных ролях в семье, родительстве и супружестве, менялись на протяжении 1950–1960-х гг. на разных дискурсивных уровнях: нормативном и общественном, личном и культурном. Для эпохи «оттепели» отцовство стало символом неразрешенных нормативных и социальных проблем, и, одновременно, способом их решения. Противоречия на законодательном уровне в определении категории отцовства, а также общественные ожидания мужчин–родителей заставляли искать пути преодоления этих проблем. Отцовство являлось крайне узкой нормативной категорией – мужчина считался отцом лишь в том случае, если до рождения детей удалось зарегистрировать брак с их матерью или же пройти процедуру усыновления. Однако к концу 1960-х гг. «юридическая» концепция отцовства была признана неактуальной. В сознании юристов и тех, кто принимал участие в разработке и утвержде-

нии нового семейного кодекса, биологическая и социальная концепция отцовства противостояли друг другу и одновременно сосуществовали. Итогом стало принятие компромиссной эклектической модели, которая включала в себя черты и биологическое, и социального отцовства.

Мужское родительство определялось современниками шире, чем это было в законах, но советское общество 1950–1960-х гг. было далеко от единогласия в этом вопросе. Сами мужчины позиционировали себя отцами лишь в той семье, с которой они проживали на данный момент. Отцовство было острой темой еще и потому, что обсуждение выходило за рамки дискуссий о семейном праве, чаще всего это были темы, связанные с определением норм и аномалий послесталинского общества. На протяжении 1950–1960-х гг. общественные суждения меняются: от обвинения женщин в создании «неполной семьи» и предложений решить проблемы в семейной сфере запрещением разводов до требований изменения законодательства и критики установленных норм и сложившихся стереотипов в отношении семейных гендерных ролей. Сами мужчины 1950–1960-х гг. (большой частью семейные и с детьми) ощущали на себе возрастающие требования к родительству и воспитанию детей – по сравнению со своими собственными родителями, им предписывалось уделять больше времени своей семье. Автономизация частной жизни и уменьшение среднего размера семей также способствовало сближению отцов и детей, совместное времяпрепровождение стало восприниматься как важный элемент воспитания и социализации ребенка. В связи с этим возникает особый вариант «вовлеченного отцовства» в советском варианте, когда отцы получали больше возможностей находиться с ребенком и наблюдать его рост и развитие. При этом роль матери по-прежнему оставалась доминирующей и определяющей.

Таким образом, представления об отцовстве, циркулирующие в советском обществе 1950–1960-х годов, отражали достаточно широкий спектр мнений и одновременно фокусировались на комплексе проблем, значимых для формирования семейной политики и актуальных трендов эволюции советского социума.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. *Воронова Е.А.* Отцы и отцовство в СССР: «женский» и «мужской» взгляд (по материалам писем 1950–1960-х гг.) // Российская история. 2019. № 5. С. 108–117. (1 а.л.)
2. *Воронова Е.А.* Охотница за алиментами или жертва мужчин: мать-одиночка как категория советской повседневности в 1950–1960-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2. С. 173–185. (1, 5 а.л.)
3. *Воронова Е.А.* «Меня очень угнетает слово алиментщик...»: правовые и антропологические аспекты алиментных выплат на детей (1930–1960 гг.) // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 191–200. (0,7 а.л.)

Публикации в других научных изданиях:

4. *Воронова Е.А.* Модель отцовства в советском общественном дискурсе 1950-х гг. // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы XI международной конференции студентов и аспирантов (14–15 апреля 2017 г.) СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 53–62. (0,4 а.л.)
5. *Воронова Е.А.* Городские практики советского городского отцовства 1950–1960-х годов // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: Материалы XI международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1. С. 199–202. (0,5 а.л.)
6. *Воронова Е.А.* «Девиантное отцовство» в письмах советских граждан во власть (1950–1960-е гг.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (25 октября 2018 г.). М.: ИРИ РАН, 2018. С. 205–209. (0,5 а.л.)
7. *Воронова Е.А.* Восприятие кинематографических образов отцов и моделей отцовства (по материалам журнала «Советский экран») 1950–1960 гг. // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы XIII международной конференции студентов и аспирантов. (26–

27 апреля 2019) СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 14–20. (0,5 а.л.)

8. *Воронова Е.А.* Восприятие статей о семье, разводах и «матерях-одиночках» в письмах советских читателей 1950–1960 гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (8–9 октября 2019 г.) М.: ИРИ РАН, 2019. С. 348–356. (0,5 а.л.)

9. *Воронова Е.А.* Женская и мужская память о войне: послевоенные гендерные стратегии советских семейных мужчин // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение фиксации, понимание: Материалы XIII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2020. С. 222–226. (0,5 а.л.)

10. *Воронова Е.А.* Отцовство как нормативная категория в советском законодательстве 1940–1960 гг. // История России с древнейших времен до XXI века : проблемы, дискуссии, новые взгляды : сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–25 ноября 2020). М.: ИРИ РАН, 2021. С. 415–423. (0,5 а.л.)

Подписано в печать «__» _____ 2022 г. Формат 60x84/16.
Тираж 100 экз. Заказ № __.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19